

Критерии оценивания заданий

На городской олимпиаде школьников по литературе предлагается два задания – тестовое и аналитическое. **Тестовое задание оценивается 10 баллами, аналитическое – 40 баллами.**

При выполнении аналитического задания участник выбирает для анализа или интерпретации **один из двух** предложенных текстов (поэтический или прозаический) текст. **Общий максимальный балл – 50.**

Критерии оценки теста.

Каждый вопрос тестового задания максимально оценивается 2 баллами.

Критерии оценки аналитического задания:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 20 баллов.**
2. Композиционная стройность и стилистическая однородность работы, точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту произведения. **Максимально 10 баллов.**
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 5 баллов.**
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 5 баллов**
5. При наличии большого количества речевых и грамматических ошибок, затрудняющих адекватное понимание работы, **оценка может быть снижена (максимально - на 5 баллов).**

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
8 класс, 4 декабря 2016

Задание 1

Определите автора и название стихотворения по приведенному фрагменту:

1. У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.
2. "Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!"
3. На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
4. Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
5. Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне,
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
8 класс, 4 декабря 2016

Задание 2.

Дайте развернутый анализ или интерпретацию (понимание) поэтического или прозаического произведений (**на ваш выбор**):

Людмила Евгеньевна Улицкая
Капустное чудо

Две маленькие девочки, обутые в городские ботинки и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали только тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок - для капусты.

- Возьмите, сколько унесете,- велела она им,- и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у нее, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами - легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года, вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками ее недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе: ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала - привезли, мол, на мою голову...

Девочки испуганно жались друг к другу и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезневку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала:

- Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали.

А девочки, словно почуввав, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать ее неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол: Ипатьева брала работу - если повезет, то из нового, но больше кому перелицевать, кому починить...

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они ее поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусиного пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замерзшие пальцы в карман и нащупала десятку, скатанную трубочкой.

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
8 класс, 4 декабря 2016

- Большая, а носа вытереть не можешь,- проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Ее замерзшие пальцы не расчувствовали десятирублевки и скатали поудобней в трубочку желтого японца. Измятая десятирублевка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурными промерзшими листьями.

Сестры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, простояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, топали озябшими ногами - ботики были дареные, изношенные, тепла не держали.

- Надо было валенки надеть,- сказала Дуся.

- На валенках кошка спит,- отозвалась Ольга.

И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришел грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец сгрузили. Раскрылось зеленое окошко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки все оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шел не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока еще грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тетка начала шуметь:

- Чего закрываешь, когда только открыли?

Но продавщица цыкнула на нее:

- Обед!- И ушла.

Прошел еще час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей и спины домов, и кучу бело-голубой, твердой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула ее - вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Ее охватил ужас.

- Тетенька! Я деньги потеряла!- закричала она.- По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на Дусю и сказала:

- Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

- Дырка у меня! Я не нарочно!- ревела она.

Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

- Иди, поищи, может, на дороге найдешь,- посоветовала темнолицая женщина из очереди.

- Как же, найдешь,- фыркнул одноглазый старик.

- Не задерживайтесь, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторону! сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотках. Старшая горестно, по-взрослому, причитала:

- Горе ты мое! Что теперь с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдём!

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

- Куда пойдём...

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
8 класс, 4 декабря 2016

Стемнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Уменьшая Дуся все думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала... Украли? Или отняли? Или еще чего? Сказать "потеряла" казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу: деревенская робость перед машинами все еще оставалась в Дусе. Навстречу им несся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз - высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крякнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку - два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, которым укрывались, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить на плечи мешок - был слишком тяжел. Они взялись за углы мешка. Вострая Дуся подложила под него картонку, и они поволокли его...

Ипатьевой дома не было. Она сидела у подружки Кротовой, плакала, утирая слезы кривым ситцевым лоскутом:

- Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала... Пропали, пропали девчоночки мои... Цыгане свели или кто...

- Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай!- утешала ее Кротова.

- Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые... Как же они без меня? А я-то, я-то как без них?- убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали...

2003

НИУ ВШЭ – Нижний Новгород
Городская олимпиада школьников по литературе
8 класс, 4 декабря 2016

Эдуард Багрицкий
Птицелов

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,-
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

И, слышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка - и каждой птице
Посвящает он манок.

И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,-
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый,-
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

По Тюринии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?
1918, 1926